

ПО ОБЕ СТОРОНЫ РАМПЫ

Из дневника артиста

ИТАК, спектакль окончен. Тишина объяла зрительный зал. Погас свет рампы, софитов. Рабочие разбирают декорации. Актеры разгружаются. Все это привычно, каждодневно... Гораздо сложнее расстаться с образом, который в течение всего вечера владел твоими мыслями и чувствами, всем твоим существом. Актер мысленно все еще там, у рампы, он все еще ощущает дыхание зрительного зала, продолжает жить в атмосфере только что отзвучавшего спектакля.

Как зритель принимал сегодня спектакль? На что острее реагировал? К чему остался равнодушен? Что помогало установлению контакта, а что мешало общению сцены со зрительным залом? Воспринимать искусство — это тоже, своего рода, большое искусство.

Сложный мир общения зрителя и артиста всегда легко разрушить. Не касаясь тех нарушений контакта, к которым уже изрядно «притерпелись» актерские нервы. Я имею в виду доносящийся на сцену из зрительного зала раздражаю-

щий шелест конфетных оберток, хруст откусываемых вафельных стаканчиков с мороженым, резкие хлопанья металлических замков от дамских сумочек и т. д. Но даже тогда, когда, казалось бы, ничто из этого не угрожает общению зрителя и актера, никто из них не избавлен от самого неожиданного.

...Это было на выездном спектакле Малого театра. Мы привезли пьесу А. Н. Островского «Доходное место». Зрительный зал был до того переполнен, что администрация вынуждена была поставить почти вплотную к рампе один дополнительный ряд стульев. На зрителей, сидевших в этом ряду, падал свет, исходящий со сцены.

Я играл роль крупного чиновника Вышневецкого. Мне нравилась роль, ее внутренняя насыщенность, разнообразие красок. К каждому спектаклю тщательно готовился. И на сей раз также приготовил некоторые новые детали, интонации.

Спектакль принимался хорошо, актеры играли с воодушевлением. Начался завершающий акт, особенно мной любимый. Вышне-

вский разоблачен, как казнокрад, взяточник, и ему предстоит держать строгий ответ. По ходу действия между ним и его племянником Жадовым возникает ссора, принимающая бурный характер. Все реплики Вышневецкого в адрес племянника полны ненависти, гнева. После этой сцены с Жадовым я, резко от него отвернувшись, медленно подхожу к креслу, несколько выдвинутому вперед к рампе, и грузно в него опускаюсь.

И вот в тот самый момент, когда я усаживался в кресло, мой взгляд неожиданно упал на сидящего в первом ряду как раз против меня зрителя. Его поза показалась мне странной, необычной. Это был тучный человек. Он сидел, как бы распластавшись в кресле. Голова толстяка беспомощно склонилась на левый бок, руки свисали по бокам, глаза были закрыты. Очки соскользнули на самый кончик носа... Я встревожился... Не плохо ли стало зрителю? Но пристальной взглядевшись в него, я все понял... Спмнений не было — толстяк спал... Я, конечно, готов принять в свой адрес

любые упреки в том, что нарушил обязательные для себя, как актера, нормы сценического поведения, что позволило выключиться из образа. Каюсь. Как я не старался отвести взгляд от толстяка, совладать с собой, сосредоточиться не удавалось.

Итак, толстяк спал. И только изредка, когда тот или иной участник спектакля усиливал звук голоса, он мгновенно спохватывался, вздрагивал, растерянно оглядывался по сторонам — не «застал» ли его кто-нибудь, наугад улыбался сидящим рядом зрителям и, как бы обмениваясь с ними впечатлениями, поощрительно кивал в сторону сцены — вот, мол, как артисты здорово играют...

Действие пьесы приближалось к финальной развязке, наступала и моя завершающая сцена. И вот, в преддверии ее, опасаясь за целостность ее звучания, я изо всех сил старался совладать с собой, обрести необходимую сценическую форму, внутренне сосредоточиться. Но все попытки ни к чему не привели. Я скомкал всю сцену, даже где-то перепутал текст.

Это было тем более досадно, что к спектаклю, повторяю, как всегда, тщательно готовился — и на сей раз приберег несколько новых интонаций, игровых нюансов, пауз... Но куда там... Все вылетело из головы, испарилось... «Юсов, помоги мне, мне дурно», — обращается Вышневецкий к своему ближайшему подчиненному. И когда, грузно опираясь на Юсова, с трудом волоча ноги, я направлялся к выходу, я еще раз мельком глянул на толстяка... Спит!..

Когда после спектакля мы выходили на дружные вызовы зрителей, мой толстяк, к тому времени уже успевший приободриться, страхнуть остатка сна, стоя возле рампы, шумно выражал свой восторг, усиленно хлопал в ладоши, несколько раз приветственно махнул рукой и даже, подойдя ближе к рампе, улыбаясь и глядя на меня, тоненьким тенорочком крикнул: «Браво!». Я поклонился... что делать?

И никто в эти минуты в зрительном зале не мог даже заподозрить, что мы оба явились сегодня виновниками того, что одна из драгоценных нитей таинства общения между зрителем и актером была порвана.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист
РСФСР.